

Герой Советского Союза генерал-лейтенант артиллерии С.Ф.Ниловский

Разгром линии Маннергейма в 1939-1940 г.г.

(Статья в «Артиллерийском журнале» №2 за 1948 год в разделе «Страницы истории» к 30-летию Советской Армии)

Прорыв линии Маннергейма в период советско-финской войны 1939-1940 гг. является одной из замечательных страниц военной истории нашей доблестной Советской Армии. Разгромив эти укрепления и принудив финскую армию к капитуляции, Советская Армия ликвидировала тем самым тот мощный плацдарм, который долгое время готовился Финляндией в союзе с крупнейшими империалистическими державами для нападения на Советский Союз. С точки зрения военной, это был триумф советского оружия, так как ни одной из армий капиталистических государств ни до, ни после этого не удалось осуществить подобную операцию. Ведь всем известно, что в начале второй мировой войны немецкая армия, спасовав перед подобной же линией Мажино, вынуждена была обойти ее, а позднее англо-американским войскам удалось пройти через линию Зигфрида лишь только потому, что ее некому было защищать, так как основные силы немецких войск были брошены на советско-германский фронт.

Решающая роль в разгроме линии Маннергейма принадлежит нашей доблестной артиллерии. «Артиллерия — бог войны» — таков был вывод товарища Сталина после финской кампании о роли и значении артиллерии в современной войне.

Я был участником советско-финской войны в должности командира 402-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности, поддерживавшего 123-ю стрелковую дивизию 7-й армии, действовавшей на Выборгском направлении. Основной задачей был прорыв линии Маннергейма и уничто-

жение главной группировки войск противника на Карельском перешейке. Эта задача армией была блестяще выполнена.

Боевые действия, как известно, начались 30 ноября 1939 года, и уже ко второй половине декабря, преодолев с боями полосу заграждений, наши войска подошли к переднему краю линии Маннергейма. Наступил самый трудный этап операции — прорыв укрепленного района, инженерные сооружения которого, в сочетании с географическими особенностями Карельского перешейка, представляли довольно серьезную преграду для наступления наших войск.

«Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, — писал старший инструктор бельгийской линии Мажино генерал Бадю, работавший техническим советником Маннергейма, — как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами — Ладожским озером и Финским заливом — имеются непроходимые леса и громадные скалы. Из дерева и гранита, а где нужно — и из бетона, построена знаменитая линия Маннергейма».

И вот эти-то укрепления, одетые в гранит, бетон и сталь, предстояло разгромить огнем нашей артиллерии.

Если глядеть на передний край укрепленного района с фронта, то даже при весьма внимательном осмотре нельзя было заметить каких-либо сооружений. Доты были хорошо приспособлены к местности и укрыты «подушкой» из камня и земли. Даже опытный глаз наблюдателя мог видеть лишь однообразные скалы, поросшие деревьями, да снежные холмы и кустарники.

Подготовку к прорыву начали с разведки. Прежде всего были нарезаны полосы разведки дивизионам. Густая сеть наблюдательных пунктов была расположена так, чтобы ни одна точка на переднем крае против-

ника не оставалась вне наблюдения. Многие наблюдательные пункты пришлось выдвинуть сильно вперед, на расстояние 300-500 м от противника. Пользуясь перископами, биноклями и стереотрубами, наши разведчики внимательно изучали каждый куст, каждый бугорок в расположении противника. Для уточнения разведывательных данных артиллерийские разведчики ходили с пехотой в ночные поиски, забирались в подбитые танки, стоявшие у траншей противника, и целыми днями вели оттуда наблюдение.

Тщательный и упорный труд артиллерийских разведчиков вскоре начал давать свои результаты. На разведывательной схеме все явственнее стал вырисовываться план огневой системы противника. Вот жирными кружками обозначились доты № 006, 007, 008, 0011, 0021 и дзоты № 13, 14 и 19; появились черные зубчатые линии траншей.

Непрерывная разведка в первой половине января установила, что на участке дивизии от рощи «Молоток» до высоты «Язык» имеется 3 опорных пункта. В роще «Молоток» были обнаружены 2 железобетонных дота и несколько деревоземляных сооружений, а на высоте 65,5 — громадное долговременное сооружение с большими убежищами. Кроме того, в этом же районе было обнаружено 5 деревоземляных огневых точек.

Всего, таким образом, к 15 января в полосе дивизии было выявлено до 10 железобетонных и до 15 дерево-земляных укреплений, имевших между собой огневую связь. Все эти данные говорили о том, что перед нами расположен мощный узел укрепления, без уничтожения которого нельзя было рассчитывать на успех наступления.

Одновременно с визуальной велась и огневая разведка — вскрытие обнаруженных дотов. Затем следовало разрушение этих долговременных сооружений.

Так, используя короткое светлое время дня северной зимы, мы день за днем методически разрушали твердыню врага.

Огонь на разрушение очень однообразен, и до войны многие артиллеристы считали его самым «скучным» делом. Но когда перед нами оказались настоящие укрепления, о «скуке» не было и помину. Каждый разрушенный дот, каждое удачное попадание вызывало живейшую радость. Однако закон рассеивания оставался все же в силе, и, несмотря на энтузиазм командиров батарей, разрушение требовало много времени и снарядов.

Чтобы ускорить дело, мы стали искать новых методов решения боевой задачи. Именно здесь мы впервые и с успехом применили для разрушения дотов орудия большой мощности на прямой наводке. Результаты этого смелого нововведения оказались блестящими: каждый снаряд шел в цель. Надо сказать, что и материальная часть в этом испытании зарекомендовала себя наилучшим образом, и мы не раз с благодарностью вспоминали наших советских конструкторов и наши артиллерийские заводы.

11 февраля, в 9 час. 40 мин., началась мощная артиллерийская подготовка, длившаяся 2 часа 20 минут. Ровно в 12 часов вслед за огневым валом артиллерии двинулись в атаку танки, а за танками — пехота в бронесанях.

На наблюдательном пункте царило напряжение. Но вот прошло несколько минут, и разведка 1-го дивизиона донесла: «Батальон Кравченко овладел дот № 0021!» Затем мы увидели, как на доте № 0018 поднялся красный флаг победы.

Теперь все наше внимание было сосредоточено на высоте 65,5, на центральном доте № 006, куда дивизия наносила главный удар. Здесь завязался жестокий и упорный бой. Но вот сопротивление врага сломлено, и центральный дот пал.

Тем временем огневой вал артиллерии, расчищая путь пехоте и танкам, уходил все дальше и дальше, к роще «Фигурная». Наконец, первая линия обороны противника была прорвана.

17 февраля наши наступающие войска подошли ко второй оборонительной полосе финнов. Здесь мы опять натолкнулись на надолбы, противотанковые рвы, долговременные сооружения. Но боевой опыт и уверенность в своих силах, полученные в сражениях при прорыве основной линии обороны, обеспечили успех прорыва и второй оборонительной полосы. После этого перед нами оставались только укрепления на непосредственных подступах к Выборгу.

Начался заключительный этап операции. Наши войска охватывали Выборг с востока и, переправившись по льду залива, перерезали дорогу Выборг-Хельсинки. После артиллерийской подготовки начался штурм города, и 13 марта 1940 года Выборг был полностью в наших руках. Финская армия потерпела полное поражение.

Так бесславно закончилась одна из очередных провокаций империалистов, пытавшихся руками финских наемных громил нанести удар по Ленинграду.

Выполняя волю своего народа, Советская Армия превратила в руины линию Маннергейма и обеспечила безопасность города Ленина. В жестоких боях наши войска захватили 356 железобетонных сооружений и 2425 деревоземляных огневых точек, подавляющее большинство которых было разрушено огнем артиллерии.

Для артиллерии Советской Армии, финская кампания явилась хорошей боевой школой. Прорыв укрепленной линии тогда был делом новым в военном искусстве. И все же эта задача была решена блестяще.

Опыт боевых действий, полученный нами в финской кампании, был полностью использован в Великой Отечественной войне.

Бои на Карельском перешейке убедили нас, артиллеристов, в том, что никакое количество попаданий в бетон не может явиться оценкой надлежащего разрушения дота, если это не подтверждено захватом «языка» или боевой разведкой. В практике были случаи, когда временно обезвреженный дот противником сравнительно быстро восстанавливался и в момент атаки начинал действовать. Чтобы воспрепятствовать противнику восстановительные работы, мы вели непрерывное огневое наблюдение.

Огневые средства и живую силу противника перед атакой, когда система дот частично уже нарушена, мы подавляли сосредоточенным огнем артиллерии по немногим, но решающим объектам обороны.

После трех-четырёх таких огневых налетов мы убеждались, что противник не был в состоянии более восстановить свою огневую систему.

Лучшим методом сопровождения атаки явился огневой вал в сочетании с сосредоточением огня по отдельным участкам. Глубина сопровождения огнем валом определялась удалением рубежа ближайшей задачи стрелковых полков первого эшелона.

Практика прорыва линии Маннергейма подтвердила несомненный эффект ложных переносов огня, которые, вводя противника в заблуждение, наносили ему значительные потери и изматывали его войска морально.

За доблесть и мужество, за высокое воинское мастерство, проявленные в советско-финской войне, многие артиллерийские части отмечены высокими правительственными наградами: 28-й корпусный артиллерийский полк был награжден орденом Ленина, 17 других артиллерийских полков удостоены ордена Красного Знамени. Это была большая и заслуженная награда.